

СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

© 2019 г. А. Торкунов

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, академик РАН, МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (rectorat@inno.mgimo.ru).

Статья поступила в редакцию 29.03.2019.

В статье раскрываются идейные истоки и современное состояние концепции Индо-Тихоокеанского региона во внешней политике США. Автор отмечает, что данная концепция возникла в Японии и Индии, но затем заинтересовала внешнеполитический истеблишмент США. В результате американской политики “поворота к Азии” сформировался многосторонний механизм политических консультаций, который способствует дальнейшей институционализации и практическому наполнению концепции Индо-Тихоокеанского региона. При администрации Дональда Трампа Вашингтон резко активизировал свои усилия по такому конструированию, о чем свидетельствуют действия США в военно-политической и экономической сфере.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, внешняя политика США, механизм консультаций в формате “четверки”, КНР.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37

В рамках взятого администрацией Д. Трампа курса на переустройство мира в соответствии с американскими интересами (*America First*) одно из приоритетных мест занимает Азиатско-Тихоокеанский регион.

Еще в ходе предвыборной кампании и сразу же после прихода к власти Д. Трамп выступал с острой критикой сложившейся в регионе обстановки как “не отвечающей ключевым интересам США”, обвиняя предыдущие администрации в допущенных ими многочисленных промахах, приведших к резкому усилению Китая, и нанесению урона позициям США. Досталось и основным американским союзникам в АТР — Японии и Южной Корее — за их недостаточный вклад в обеспечение безопасности в Азии, “эгоистичную политику” в сфере экономических связей с Соединенными Штатами.

Выстраивая собственную политическую линию в АТР, новая администрация в качестве главных задач поставила удержание и закрепление неоспоримого лидерства Соединенных Штатов, “сдерживание” быстро растущего Китая, сумевшего в последние десятилетия существенно потеснить США, сплочение американских союзников при мобилизации их на более активную поддержку политики Вашингтона. В качестве основополагающей доктрины для осуществления этого курса взята на вооружение концепция Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) — с ареалом от западного побережья США до западного побережья Индии.

В настоящей статье делается попытка целостного анализа современной политики в АТР.

КОНЦЕПЦИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Концепция ИТР “выросла” из нескольких идей, которые развивались в минувшем десятилетии. С одной стороны, в Индии усиливался интерес к сотрудничеству со странами АТР по экономическим и политическим причинам в рамках общего подхода “Смотреть на Восток, действовать на Востоке” (*“Look East, Act East” policy*), а Япония продвигала тезисы об “Арке свободы и процветания” (*Arc of Freedom and Prosperity*) и “Свободного и открытого ИТР” (*Free and Open Indo-Pacific, FOIP*) [1; 2], которые обосновывали развитие японско-индийских отношений. С другой — формировалось представление о возрастающей роли Индийского океана как важнейшей транспортной артерии для торговли, особенно энергоресурсами (но также сельскохозяйственной продукцией и другими важнейшими товарами), между Ближним Востоком и Азией. Индийские эксперты вписывали это в общий контекст развития индийско-японских отношений [3]. В таком ключе размышляли и в других странах. В 2009 г. тезис о возрастании стратегического значения Индийского океана как важнейшей транспортной артерии включили в официальную австралийскую “Белую книгу по вопросам обороны”. (В ней говорилось, что с течением времени Индийский океан приобретет такое же стратегическое значение для Австралии, как и Тихий [4].) В наиболее развернутом виде эти идеи выразил американский стратег Роберт Каплан (известный приверженностью реалистскому подходу и пишущий в геополитической традиции) в опублико-

ванной в 2010 г. книге “Муссон: Индийский океан и будущее американской мощи” [5]. Эти мысли содержались и в опубликованном в том же году “Четырехлетнем прогнозе Минобороны США”, в котором признавалась необходимость выработки интегрированного подхода к региону Индийского океана [6].

Администрация Барака Обамы — несмотря на широко распространенное мнение о ее “миролюбивости”, на самом деле (особенно в начале своей работы) склонная к военно-силовым решениям и чутко прислушивавшаяся к мнению военных [7], — адаптировала идеи о возрастающем стратегическом значении Индийского океана, а вместе с ними и понятие ИТР, для своих внешнеполитических приоритетов. Эти идеи стали частью “американского поворота к Азии” (*Pivot to Asia*), который в свою очередь рассматривался как центральный элемент декларируемого Стратегией национальной безопасности 2010 г. намерения заложить основы для американского глобального лидерства в XXI веке¹. Госсекретарь Хилари Клинтон говорила об АТР как о регионе, который простирается от Южной Азии и Индийского океана до восточного побережья США (в этом контексте она уже употребляла термин ИТР) и в котором необходимо как более тесное сотрудничество США с союзниками, так и американских союзников между собой. Эти тезисы присутствовали в ее речи в Гонолулу в октябре 2010 г. [8], а через год в статье в *Foreign Policy* [9], которая и считается объявлением “поворота к Азии”. Риторика Х. Клинтон привлекла пристальное внимание в регионе. Одной из наиболее примечательных реакций на заявления американского госсекретаря стала статья Шьяма Сарана [10], бывшего министра иностранных дел Индии (он занимал этот пост в 2004–2006 гг., а в последующие годы в качестве специального представителя со стороны Индии внес значительный вклад в подготовку и заключение соглашения 2008 г. между США и Индией по вопросам мирной ядерной энергетики). Позже стало известно, что на его статью в свою очередь обратили внимание высокопоставленные сотрудники Госдепартамента США².

¹ Это центральное положение документа четко отражено как в сопроводительном письме президента Б. Обамы, где говорится о необходимости восстановления основ американского лидерства, так и в самом документе. Стратегия начинается с заявления: “На заре XXI века США сталкиваются со множеством сложных вызовов в области национальной безопасности. Но как США определили ход истории в XX веке, так теперь нам необходимо создать основу для силы и влияния Америки и сформировать международный порядок для того, чтобы справиться с вызовами XXI века”.

² Статья Шьяма Сарана стала предметом переписки между высокопоставленными сотрудниками Госдепартамента — Джакобом Салливаном, одним из ближайших сотрудников госсекретаря Х. Клинтон, заместителем руководителя ее

В дальнейшем концепция ИТР активно обсуждалась в экспертных и академических кругах США, Великобритании, Австралии, Японии и Индии: об ИТР писали как в военно-политическом ключе (как элементе морской стратегии), так и в более широком политическом контексте [12; 13; 14; 15]. Новый импульс экспертные разработки по этому вопросу получили при администрации Д. Трампа.

По своему содержанию доктрина ИТР носит откровенно блоковую направленность. Поставлена задача “укреплять американские союзы и партнерства в ИТР в направлении создания сетевой архитектуры безопасности, способной сдерживать агрессию, поддерживать стабильность и обеспечивать свободный доступ к общим для всех объектам” [16]. Очевидна и основная цель разрабатываемой Соединенными Штатами стратегии — набирающий силу Китай, продвигаемая им инициатива “Один пояс, один путь”, с помощью которой Пекин “стремится расширить свое влияние в регионе и в мире” [17]. Управлять же азиатскими делами отныне призвана — под американским руководством — так называемая “четверка” в составе Соединенных Штатов Америки, Японии, Австралии и Индии. Как видно из указанного построения, важнейшее значение придается задаче “перетянуть” на сторону США Индию с ее огромным экономическим и людским потенциалом, в том числе и с учетом сложных отношений Дели с Пекином [18]. Как подчеркнул бывший министр обороны США Л. Панетта, взаимодействие с Индией является “несущей осью” в американской стратегии по “расширению военного сотрудничества и присутствия США в геостратегической дуге от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии” [19].

Еще одна стратегическая цель Вашингтона — привлечение стран, заинтересованных в “обеспечении свободы морей” в связи с попытками Пекина, как указывается, “поставить под свой контроль” и “ограничить передвижение” в прилегающих к побережью Китая морских пространствах (помимо “четверки” речь идет о странах АСЕАН, вовлеченных в территориальные споры с КНР в Южно-Китайском море).

Продвижение концепции “свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона” является одной из главных внешнеполитических задач США и Японии, в чем активно участвуют руководители обеих стран. Согласно информации МИД Японии об итогах визита в Соединенные Штаты японского премьер-министра (17–18 апреля 2018 г.),

аппарата и одновременно директором по внешнеполитическому планированию, и Уильямом Бернсом, в то время заместителем госсекретаря. Их переписка по этому вопросу стала доступна после обнародования в 2016 г. *WikiLeaks* архива электронной почты Х. Клинтон [11].

“два лидера приветствовали прогресс, достигнутый в ходе консультаций двух стран относительно реализации концепции свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона. Стороны разделяют мнение, согласно которому они будут и дальше продвигать конкретное сотрудничество в различных сферах, включая развитие качественной инфраструктуры в соответствии с международными стандартами [20]. К проработке идеи ИТР подключились основные американские мозговые центры (Азиатский фонд, Атлантический совет, Совет по международным отношениям, Чикагский совет по международным делам, Фонд Карнеги и др.). Японские лидеры неизменно ставят вопрос об ИТР при встречах с руководителями азиатских стран, на всех посещаемых ими форумах, касающихся Азии.

Заработал механизм “четверки”. Создана рабочая группа на уровне старших должностных лиц сторон [21], проходят регулярные встречи министров иностранных дел — “на полях” различных международных мероприятий. По словам американского президента, в рамках Восточноазиатского саммита (ВАС) он встретился 15 ноября 2018 г. с премьер-министрами Индии, Австралии и Японии в целях “обсуждения разделяемой нами приверженности идее свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона” [22].

Следует, однако, отметить, что реализация идеи ИТР сталкивается с большими трудностями. Не возражая в принципе против расширения рамок региона, с подключением Индии и других стран бассейна Индийского океана, большинство стран АТР не видит особой необходимости в создании нового форума с его явно конфронтационным характером. Не заинтересованы они и портить отношения с Пекином, хотя в ряде стран региона имеется серьезная озабоченность в связи с китайской экспансией [23].

Показательна позиция Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — главного объекта усилий Вашингтона и Токио по обеспечению поддержки идеи ИТР. Твердое мнение этих стран заключается в том, что при любых обстоятельствах центральное место (*centrality*)³ должны занимать

³ Нельзя не отметить, что страны “четверки” сочли целесообразным принять во внимание указанную позицию АСЕАН. В сообщении МИД Японии об итогах состоявшихся 7 июня 2018 г. в Сингапуре консультаций в составе США, Японии, Индии и Австралии было указано, что страны “четверки” “твердо поддержали центральное место АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе и подтвердили “незаменимую роль” в регионе таких механизмов, как Восточноазиатский саммит (ВАС) и Региональный форум АСЕАН (АРФ). Отмечено, что “четыре страны договорились установить партнерские отношения со странами и организациями в регионе в целях продвижения разделяемого ими видения о превращении ИТР в регион мира и процветания”, а также проводить в этих целях консультации на регулярной основе [24].

уже имеющиеся механизмы — АСЕАН, Региональный форум АСЕАН (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС).

Вопросы, связанные с концепцией ИТР, были подвергнуты специальному рассмотрению на ноябрьском (2018 г.) саммите ВАС в Сингапуре. Как вице-президент США Майк Пенс [25], так и японский премьер Синдзо Абэ настойчиво рекламировали достоинства указанной концепции. С. Абэ, в частности, призывал “активно работать” над реализацией идеи “свободного и открытого морского порядка”, который основан на нормах закона и является краеугольным камнем мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе” [26].

Тем не менее в итоговом коммюнике саммита (п. 30) было подчеркнуто: “У нас состоялась широкая дискуссия по различным индо-тихоокеанским концепциям. Мы отметили продолжающиеся дискуссии внутри АСЕАН о развитии широкого сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Мы особо подчеркнули, что сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе должно включать основные принципы, такие как центральное значение АСЕАН, открытость, прозрачность, инклюзивность и порядок, основанный на правилах, с тем чтобы укреплять взаимное доверие, уважение, взаимные выгоды” [27].

Что касается отношения к идее ИТР Китая, то Пекин на официальном уровне предпочитает замалчиваться, тогда как реакция прессы и экспертных кругов резко негативная.

Отрицательную позицию занимает Россия. Выступая 25 февраля 2019 г. на состоявшейся во Вьетнаме конференции Международного клуба “Валдай”, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров подчеркнул, что Индо-Тихоокеанский регион — это “искусственно насаждаемая концепция” с “очевидным контекстом сдерживания Китая. Видна попытка завлечь Индию в военно-политические и военно-морские процессы. Это концепция, подрывающая асеаноцентричность всех тех форматов, которые в данном регионе сложились”. Поэтому, сказал министр, “мы предпочитаем называть данный регион Азиатско-Тихоокеанским регионом” [28]. На перспективу России надо учитывать и то, что “индотихоокеанское” блоковое мышление может приобрести не только антикитайский характер, но и дополнительные черты: например, распространиться на вопросы региональной политики в Восточной и Южной Евразии, что будет фундаментально подрывать российский концептуальный подход к взаимодействию в Большой Евразии.

ПОЛИТИКА США В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

Впервые за много лет Соединенные Штаты столкнулись с серьезным военным вызовом в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом последние документы США по вопросам безопасности (“Стратегия национальной безопасности США — 2018”, “Обзор политики в области противоракетной обороны — 2019”, “Обзор ядерной политики” и др.) прямо указывают на КНР как основной источник угрозы американским интересам в регионе. “Китай, — отмечается в Обзоре политики в области противоракетной обороны, — развивает свои ракетные способности, с целью помешать способностям и свободе действий Соединенных Штатов в защите американских союзников и партнеров в Азии. Ключевой компонент китайской модернизации в военной сфере — арсенал конвенционных баллистических ракет, предназначение которых — предотвратить военный доступ США для поддержки региональных союзников и партнеров. Китай совершенствует свои возможности для нанесения ударов по региональным целям, таким как базы и военно-морское снаряжение, на более дальние расстояния с добавлением возрастающего количества баллистических ракет средней и меньшей дальности. Это включает усовершенствованные противокорабельные баллистические ракеты, что представляет прямую угрозу авианосцам США” [29]. Продолжает наращиваться китайский ядерный потенциал, развернута масштабная программа строительства новейших подводных лодок с ядерными ракетами на борту с пониженными шумовыми характеристиками, что поставит под угрозу теперь уже и континентальную Америку. Согласно опубликованному Разведывательным управлением Минобороны США докладу “Вызовы безопасности в космосе”, Пекин активно работает над наращиванием своего военно-космического потенциала (как известно, Соединенные Штаты объявили недавно о своем решении создать Космические силы) [30]. Китаем также разрабатываются противоспутниковые вооружения. Еще в 2007 г. китайской ракетой был сбит спутник-мишень.

Как отмечается в американских исследованиях, основные усилия Пекина сосредоточены сейчас на ускоренном развитии китайских ВМС и ВВС, обеспечении условий для выхода ВМС в открытый океан. Все это значительно усилило бы стратегические позиции Пекина, позволило ему контролировать жизненно важные для Запада транспортные артерии, предоставило китайским ВМС, ВВС и, что особенно беспокоит Вашингтон, подводным лодкам безопасные проходы в Тихий океан [31]. При этом нужно учитывать, что на данный момент выход для китайских кораблей и самолетов в Тихий океан из района Восточно-Китайского и Желтого

морей в значительной степени ограничен вследствие фактически находящейся под контролем США и Японии так называемой “первой линии островной цепи” (от о. Хоккайдо до Малайского архипелага).

Серьезный узел американо-китайского противоборства складывается в районе Южно-Китайского моря (ЮКМ). Заявляя о своих правах практически на всю акваторию ЮКМ (примерно 80%), Китай приступил к ускоренному освоению этого региона, включая создание на островах и атоллах ЮКМ военных опорных баз (см. рис.).

Усилия Пекина вызвали резкое противодействие со стороны США и Японии, которые стремятся создать “единый фронт” с прибрежными странами ЮКМ, вовлеченными в территориальный спор с Китаем. Как подчеркнул вице-президент США М. Пенс на 13-м саммите ВАС в ноябре 2018 г., “Соединенные Штаты будут выступать совместно с нашими союзниками и партнерами за сохранение порядка, который мы помогли построить, и мы будем защищать свободу морей и неба. Это особенно важно для Южно-Китайского моря. Позвольте мне ясно сказать: осуществляемая Китаем милитаризация и территориальная экспансия в ЮКМ является незаконной и опасной. Она угрожает суверенитету многих стран и ставит под угрозу процветание всего мира. Со своей стороны Соединенные Штаты будут осуществлять пролеты и плавание, где это позволяет международное право и требуют наши национальные интересы” [25].

КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Сильнейшим испытанием для администрации Д. Трампа явилось опасное обострение обстановки на Корейском полуострове. Причиной этого стал ощутимый рывок в развитии и совершенствовании ракетно-ядерной программы КНДР: появление у Пхеньяна новых видов ядерных бомб, включая водородные, решение проблемы миниатюризации ядерных боеголовок, испытания баллистических ракет с большим радиусом действия, способных, как утверждают в Пхеньяне, покрыть всю территорию Соединенных Штатов, и др. [32]

Указанное развитие событий было воспринято Соединенными Штатами и союзниками США как серьезная угроза их безопасности, вызвав в Вашингтоне, Сеуле и Токио настоящую истерию. Ответом явилась беспрецедентная демонстрация у берегов Кореи американской военной силы, угрозы, в том числе устами президента Д. Трампа, “стереть КНДР с лица земли”.

В такой обстановке свою роль сыграли посреднические усилия государств региона, прежде всего Китая и Южной Кореи, хорошо понимавших ка-

Рис. Направленная Китаем в ООН в мае 2009 г. карта, отражающая позицию КНР по территориальному размежеванию в ЮКМ (так называемая линия 9-ти штрихов)

Источник: [31].

тастрофические последствия вооруженного конфликта, в том числе, возможно, и с применением ядерного оружия, для всего региона Северо-Восточной Азии (выдвинутая Россией и Китаем 4 июля 2017 г. идея “двойного замораживания” — ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных военных учений США и Республики Корея [33]; предложенный в июле 2017 г. новым южнокорейским президентом Мун Чжэ Ином поэтапный план нормализации отношений с КНДР, включая подписание между сторонами мирного договора [34], и др.).

Впервые за долгое время достаточно гибко выступил и Пхеньян. Хотя в своем новогоднем обращении к соотечественникам (1 января 2018 г.) северокорейский лидер Ким Чен Ын напомнил, обращаясь к Вашингтону, что ядерная кнопка

“всегда находится на его рабочем столе”, но “это надо воспринимать как реалью, а не как угрозу”. “Мы как миролюбивая и ответственная ядерная держава не будем применять ядерное оружие и не будем угрожать им любой стране, любому региону, пока агрессивные враждебные силы не посягнут на суверенитет и интересы нашего государства”. “Выдающимся успехом” назвал северокорейский лидер “свершение исторического дела усовершенствования ядерных вооруженных сил государства”. Значительную часть своей речи Ким Чен Ын посвятил задачам налаживания отношений между Севером и Югом Кореи [35]. 24 января 2018 г. на объединенном собрании политических партий и организаций КНДР было принято обращение к Сеулу, призывающее к смягчению военной напряженности между Севером и Югом и объединению корейской нации [36].

Вслед за этим события начали стремительно развиваться. Широкий размах приняло установление связей между КНДР и Южной Кореей, в том числе на уровне глав государств. Были налажены контакты с американской стороной, завершившиеся встречей 12 июня 2018 г. в Сингапуре Д. Трампа и Ким Чен Ына.

По оценкам обеих сторон, встреча “прошла успешно”. В подписанном по ее итогам меморандуме США взяли на себя обязательство “предоставить КНДР гарантии безопасности”, а последняя подтвердила “свою непоколебимую приверженность завершению денуклеаризации Корейского полуострова”. Стороны также указали, что они будут стремиться к “построению прочного и стабильного мирного режима” на Корейском полуострове [37].

Большие ожидания были связаны с очередной встречей Д. Трампа и Ким Чен Ына 27–28 февраля 2019 г. во Вьетнаме. Однако стороны договориться не смогли, и намеченное подписание совместного документа не состоялось.

Объясняя причины такого развития событий, Трамп заявил, что “США ожидали от северокорейской стороны большего, чем она смогла предложить”⁴, тогда как взамен, якобы, добивалась полной отмены санкций [38; 39]. Северокорейцы в свою очередь сочли нужным сказать о действительном положении вещей. На состоявшейся поздно вечером 28 февраля пресс-конференции в Ханое (уже после отъезда Трампа) глава МИД КНДР Ли Ён Хо заявил, что Ким Чен Ын добивался не полного, а лишь частичного снятия санкций. По его словам, Пхеньян устроила бы отмена пяти из 11 санкционных резолюций Совета Безопасности ООН, тех, что “подрывают гражданскую экономику и уровень жизни людей” [40]. Ряд обозревателей указывает и на серьезные внутриамериканские причины, не позволившие Д. Трампу заключить соглашение — в крайне сложной для американского президента обстановке в собственной стране любые, даже незначительные уступки Пхеньяну могли бы вызвать очередную волну обвинений президента в “торговле американскими интересами перед лицом северокорейского диктатора”.

Тем не менее обе стороны заявляют, что дверь для дальнейших переговоров, в целях выработки взаимоприемлемого соглашения, не закрыта. Положительное значение имеет тот факт, что Пхеньян

⁴ Северокорейцы заявили о своей готовности закрыть Центр по производству и переработке ядерного топлива в Йонбене, однако американцы потребовали, чтобы были закрыты и секретные объекты по обогащению урана, о наличии которых, как было сказано, у США имеются “точные сведения”. По словам госсекретаря США Майка Помпео, США также хотели бы, чтобы предметом переговоров были северокорейские ядерные средства.

сохранит мораторий на проведение испытаний ракетно-ядерного оружия, а Вашингтон пока воздержится от совместных с Сеулом крупномасштабных военных учений. Д. Трамп также сказал, что США не планируют ужесточать санкции против КНДР, потому что “там есть множество людей и им нужно как-то жить” [40]. Договоренности с Пхеньяном рассматриваются администрацией Д. Трампа как одно из ее важнейших внешнеполитических достижений и в целом способствуют снижению напряженности на Корейском полуострове.

Следует отметить, что, хотя до полной стабилизации обстановки на Корейском полуострове еще далеко, начатое движение в этом направлении способствует и российским интересам, открывая, помимо прочего, большие возможности для подъема дальневосточного региона РФ (транскорейские железнодорожные и шоссейные пути сообщения, связывающие две страны с Россией, прокладка нефте- и газопроводов в сторону Южной Кореи, реализация проекта трехстороннего транспортного и перевалочного узла в устье реки Туманной и др.).

КУРС АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В АТР В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Крутой поворот совершила новая администрация и в своей экономической политике в АТР. Высказывая серьезные претензии к азиатским партнерам в связи с “несправедливым” характером их экономических связей с США, Вашингтон, при Трампе, взял курс на “пересмотр” торговых соглашений с основными государствами региона. Не видя большой пользы в заключении многосторонних договоренностей, американская сторона сделала упор на решении имеющихся проблем на двусторонней основе [41]. Серьезную озабоченность в странах АТР вызвал откровенно протекционистский характер нового американского курса, в условиях предпринимаемых в АТР усилий по либерализации торговых правил, снижению барьеров во взаимной торговле.

Уже в январе 2017 г. Д. Трамп подписал указ о выходе США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП), инициированного администрацией Б. Обамы и являвшегося предметом ее особой гордости. Вашингтон объяснил свое решение стремлением обеспечить рост американской экономики, вернуть капиталы и промышленное производство в США, создать новые рабочие места.

Тем не менее ТТП похоронено не было, и инициативу в его дальнейшем продвижении взяла на себя Япония. В ходе пресс-конференции в Вашингтоне 10 февраля 2017 г. премьер-министр С. Абэ заметил, что “значение честного и общего

для всех свода правил для режима свободной торговли, а это было целью ТТП, не изменилось” [42]. 8 марта 2018 г. в Сантьяго было подписано модифицированное соглашение по ТТП (называется теперь Всеобъемлющее прогрессивное транстихоокеанское партнерство, ВПТТП), которое вступило в силу 30 декабря 2018 г. Участники — 11 стран (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, Чили, Япония). В новом документе сохранены многие положения Соглашения по ТТП от 4 февраля 2016 г., выработанного с участием США. Вместе с тем изъят либо модифицирован ряд прежних жестких положений, инициированных американской стороной. В целом новое соглашение представляет собой важный шаг в сторону установления более тесных связей стран-членов в сфере торговли и инвестиций [43].

Успешно продвигаются переговоры по созданию Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), предусматривающего образование в АТР Зоны свободной торговли (участники — страны АСЕАН, а также Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия) [44].

Таким образом, США оказались за пределами трех формирующихся сейчас в АТР наиболее важных экономических механизмов, нацеленных на упорядочение экономических взаимоотношений в регионе (помимо ВПТТП и ВРЭП имеется в виду Соглашение об экономическом партнерстве ЕС — Япония), что, как считают многие эксперты, существенно сужает возможности для Соединенных Штатов оказывать влияние на экономические процессы в АТР и усиливает роль Пекина. В этой связи не исключается, что Вашингтон в конечном счете присоединится к ВПТТП [45].

В то же время Соединенным Штатам удалось добиться существенных сдвигов в свою пользу в отношениях с рядом своих важных торгово-экономических партнеров в АТР. На значительные шаги — в целях снятия ряда американских претензий — пошла Япония. Объявлено о крупной программе закупок американской продукции, осуществлении масштабных японских инвестиций в США. Для решения остающихся и возникающих проблем в экономической области создан специальный диалоговый механизм во главе с вице-президентом США М. Пенсом и вице-премьером Японии Таро Асо. 24 сентября 2018 г. президенты Д. Трамп и Мун Чжэ Ин подписали новое соглашение о свободной торговле между двумя странами, предусматривающее открытие южнокорейского рынка для более широкого доступа американских товаров, включая автомобили [46]. Важнейшее значение, в том числе и для стабильности миро-

вого рынка, имеет достижение принципиальных договоренностей между США и КНР по заключению нового торгового соглашения, что предотвратило, хотя бы на время, развязывание широкомасштабной торговой войны между двумя странами. И в этом случае китайская сторона пошла на существенные уступки Вашингтону.

ОТНОШЕНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА С ВЕДУЩИМИ СТРАНАМИ АТР

Расставляя приоритеты в регионе, Вашингтон в качестве главной задачи рассматривает дальнейшее укрепление отношений со своими союзниками и партнерами, повышение их роли и вклада в осуществление американской стратегии в регионе.

Свои первые визиты представители администрации Трампа нанесли в столицы союзников США. Сразу же после инаугурации Трампа в феврале 2017 г. состоялся визит в Японию (и Южную Корею) министра обороны Дж. Мэттиса. 9–13 февраля в США с официальным визитом прибыл премьер-министр С. Абэ. В Совместном заявлении от 10 февраля 2017 г. стороны подчеркнули: “Нерушимый американо-японский альянс является краеугольным камнем мира, процветания и свободы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Непоколебимы обязательства США защищать Японию всем комплексом своих военных возможностей, как ядерных, так и обычных. В условиях все более сложной обстановки в АТР в сфере безопасности Соединенные Штаты усилят свое присутствие в регионе. Все большую роль и ответственность в альянсе возьмет на себя Япония” [43]. С американской стороны, в том числе на уровне президента, было не раз заявлено, что обязательства США по американо-японскому Договору безопасности 1960 г. распространяются “на все территории, находящиеся под административным контролем Японии” (при этом не скрывалось, что речь идет о спорных между Японией и Китаем островах Сэн-каку) [47].

Осуществлены важные шаги по дальнейшему расширению и углублению американо-японского сотрудничества в военной области. При попустительстве Вашингтона Токио пошел на фактический пересмотр ст. 9 японской Конституции 1947 г., предусматривающей отказ государства от права вести войну и иметь вооруженные силы. 1 июля 2014 г. кабинет министров С. Абэ принял резолюцию, дающую новое толкование данной статьи, в соответствии с которым обосновывалось право Японии на “коллективную оборону”, в частности, возможность использования Сил самообороны не только в случае вооруженного нападения на нее, но и для оказания помощи своим союзникам, в том числе за пределами японской территории, если это

диктуется интересами безопасности страны [48]. Расширение сферы военной активности Токио закреплено в подписанных в последние годы целом ряде совместных американо-японских документов о сотрудничестве в военной области. Значительно увеличены продажи Японии новейших американских вооружений. Согласно американским планам, последняя должна стать частью глобальной системы ПРО США (размещение противоракетных комплексов *Patriot PAC-3*; близка к реализации сделка о продаже Японии высокоэффективных ракет *Aegis Ashore* средней дальности наземного базирования).

Важнейшим опорным пунктом Соединенных Штатов в Северо-Восточной Азии остается Южная Корея. Осенью 2017 г. США, воспользовавшись обострением отношений с КНДР, разместили в Южной Корее “стандартную батарею” ПРО *THAAD* (шесть пусковых установок с восемью противоракетами в каждой) [49].

Серьезные задачи стоят перед новой администрацией в плане восстановления позиций в АСЕАН, где в последние годы значительно усилилось влияние Китая. Особо тесные связи поддерживаются с Индонезией, Филиппинами, Сингапуром.

Растущее внимание Вашингтон оказывает Вьетнаму, причем Ханой охотно идет на сближение с Соединенными Штатами. В октябре 2012 г. они направили в ЮКМ авианосную группу в составе авианосца “Джордж Вашингтон” и кораблей сопровождения. Когда американские корабли находились у берегов Вьетнама, на борт авианосца были приглашены вьетнамские официальные лица, которым были продемонстрированы полеты палубной авиации и учебные стрельбы кораблей сопровождения. Возобновлен интерес США к бухте Камрань.

Как уже отмечалось, Вашингтон прилагает большие усилия к расширению связей с Индией, включив ее в число своих стратегических партнеров. Одним из первых зарубежных лидеров, с которыми Д. Трамп провел беседу по телефону (24 января 2017 г.), стал индийский премьер Нарендра Моди. Между США и Индией состоялся целый ряд встреч на государственном уровне. Стороны условились и дальше укреплять двусторонние связи в экономической и оборонной областях. Как США, так и Япония заявляют о необходимости значительного повышения участия Индии в решении проблем Индо-Тихоокеанского региона. Вашингтон и Токио высказались за скорейшее вступление Индии в АТЭС в “качестве позитивного вклада в процессы экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе”.

Между тем серьезным препятствием на пути американо-индийского сближения остается жест-

ко проводимая Дели линия на независимость в международных делах, нежелание нанести ущерб отношениям со своими традиционными партнерами. Индия, наряду с Россией и Китаем, является активной участницей таких влиятельных международных механизмов, как БРИКС, РИК, ШОС. Решительный отпор оказывает Дели попыткам Вашингтона помешать развитию индийско-российских связей в военной области. 27–28 апреля 2018 г. состоялась незапланированная встреча индийского премьера с председателем КНР Си Цзиньпином в Ухани. 21 мая 2018 г. Н. Моди посетил Сочи и встретился там с президентом РФ Владимиром Путиным. Касаясь итогов визита, министр иностранных дел РФ С. Лавров подчеркнул: “И президент Путин, и премьер Н. Моди высказались однозначно за то, чтобы новая структура безопасности и сотрудничества в АТР основывалась на внеблоковых принципах, на принципах открытости, равной и неделимой безопасности, и в этом ключе упоминались тенденции, которые наблюдаются на Евразийском континенте” [50].

Что касается Китая, то здесь политика США носит двойственный характер. С одной стороны — жесточайший нажим на Пекин, с другой — стремление нынешней американской администрации не переходить “красную черту” в отношениях с этой огромной страной, учитывая вес КНР в Азии и в мире.

Китай поставлен Вашингтоном на первое место в качестве главной угрозы в борьбе за лидерство на мировой арене. В “Национальной стратегии США в области безопасности” (2018 г.) утверждается: “КНР продолжает свою программу военной модернизации, направленную на достижение гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе в ближайший период и смещение Соединенных Штатов для достижения глобального превосходства в будущем” [51].

Установочный характер носило выступление вице-президента М. Пенса в Гудзоновском институте 4 октября 2018 г. с изложением, как было указано, “политики администрации в отношении Китая”, выдержанное в исключительно грубой форме и обвинявшее Пекин буквально во всех “смертных грехах”. Пенс подчеркнул вначале, что США, при президенте Трампе, приняли новый подход к Китаю. “Мы стремимся к отношениям, — сказал он, — основанным на честности, взаимности, уважении суверенитета, и мы осуществили мощные и быстрые действия для достижения этой цели”. Упомянул он и о том, что немалая заслуга в достижении Китаем значительных успехов в своем экономическом развитии принадлежит американским инвестициям.

Пекин, однако, подчеркнул американский вице-президент, “пошел по пути несовместимым со свободной торговлей, включая тарифы, квоты,

манипуляции валютой, принудительную передачу технологии, воровство интеллектуальной собственности и субсидирование промышленности”. По утверждению Пенса, КНР осуществляет широкомасштабное вмешательство во внутренние дела США, по сравнению с которым “просто бледнеет” все, что якобы делает Россия. Не обошлось и без резкой критики внутренней политики КНР [52].

Американцами подвергнуты атаке многие другие направления политики Китая, в частности, его линия в сфере экономических связей с зарубежными странами. Как утверждается, “якобы щедрые” капиталовложения КНР за рубежом на деле носят “недобросовестный характер”, фактически закабалая многие страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Наиболее острое соперничество между США и Китаем развернулось в торгово-экономической области, где последний буквально “наступает на пятки” США и вот-вот обойдет американцев в качестве первой экономики мира. В вину Пекину ставится огромный ежегодный дефицит в торговле с Соединенными Штатами, что составляет основной компонент астрономического американского внешнеторгового дефицита. В частности, по данным Главного таможенного управления КНР, в 2018 г. отрицательное сальдо США в торговле с Китаем выросло по сравнению с 2017 г. на 17.2%, составив 323.3 млрд долл. (в 2017 г. было 275.8 млрд долл.)⁵. Негодование Вашингтона вызывает и то, что Пекин открыто заявил о своих намерениях выйти на позиции одной из ведущих технологических держав (китайская программа “Сделано в КНР — 2025 г.” нацелена, как отмечается, на ключевые отрасли, где США обладают сейчас неоспоримым преимуществом).

В результате Вашингтоном взят курс на “разъединение” (*decoupling*) двух экономик, которые тесно переплелись между собой за последние десятилетия. Резко повышены тарифы на ряд поставляемых в США китайских товаров, введены другие ограничения в торговле с КНР. Как заявил Д. Трамп в послании Конгрессу от 5 февраля 2019 г., “мы сейчас даем понять Китаю, что, после многих лет использования нашей промышленности в качестве мишени и воровства нашей интеллектуальной собственности, краже американских рабочих мест и богатств пришел конец. Поэтому недавно мы установили тарифы на китайские товары в размере 250 млрд долл., что принесло нашей казне миллиарды и миллиарды долларов” [53]. На Китай оказывается жесткий нажим с тем, что-

бы побудить его пойти на уступки американским требованиям в сфере интеллектуальной собственности и инвестиционного режима. Соединенные Штаты зашли настолько далеко, что добиваются от Пекина глубоких структурных изменений в китайской экономике, которые бы контролировались американской стороной.

Соответствующие ответные меры приняты и Пекином. При этом китайской стороной отмечается, что выдвигаемые Вашингтоном экономические требования к Китаю, зачастую, основываются на внутреннем американском законодательстве, а не на установленных ВТО обязательствах, которые, как подчеркивается, КНР “неукоснительно выполняет”. Китай находится на первом месте (19%) в качестве держателя американского долга зарубежным странам — примерно 1.2 трлн долл. Причем он, в отличие от ряда других стран, пока не идет на существенное изъятие своих денег из Соединенных Штатов, что могло бы создать для них серьезные проблемы.

Понимая всю опасность сложившейся ситуации для своих экономик и неся большие потери от принятых взаимных ограничений, стороны предприняли энергичные усилия для нахождения необходимого компромисса. На состоявшемся в декабре 2018 г. в Буэнос-Айресе саммите G20 Д. Трамп и Си Цзиньпин договорились о торговом перемирии. Прошли интенсивные переговоры представителей экономических ведомств двух стран высокого уровня, по итогам которых, по заявлению Д. Трампа, достигнут “существенный прогресс”. Президент сказал, что он намерен встретиться с Си Цзиньпином в своем поместье Мар-а-Лаго во Флориде, чтобы подписать новое торговое соглашение [54]. Согласно просочившимся в печать сведениям, Пекин пошел на значительные уступки Вашингтону: понижены тарифы на сотни товаров американского экспорта в КНР; будут увеличены закупки американской сельскохозяйственной продукции, в частности сои и пшеницы; предусмотренные меры, которые снижали бы американские озачеченности в сфере передачи технологий, охране интеллектуальной собственности [55].

Серьезным, и опасным, раздражителем в отношениях сторон остается Тайвань. Причем и здесь администрация Трампа осуществила ряд шагов, вызвавших резкое недовольство Пекина (телефонный разговор Д. Трампа с президентом Тайваня Цай Инвэнь, принятие “Акта посещения Тайваня” (*Taiwan Travel Act*), разрешающего визиты на Тайвань американских официальных лиц высокого уровня, продолжающиеся крупные продажи Тайваню американского оружия, участвовавшие заявления со стороны представителей правых кругов США о том, что пора бы Тайваню стать “независимым государ-

⁵ Следует отметить, что американские и китайские цифры об объемах взаимной торговли существенно расходятся. Так, по данным США, американский дефицит в торговле с Китаем составил в 2017 г. 376 млрд долл.

ством”). По мнению многих экспертов, в том числе и на Тайване, подобные провокационные шаги и заявления, призванные как бы продемонстрировать “твердую поддержку” Тайваня со стороны США, на деле лишь увеличивают риски вооруженного конфликта в районе Тайваньского пролива. Причем, как считают многие зарубежные военные эксперты, да и сами тайваньцы, далеко не факт, что США окажут Тайбэю реальную военную помощь в случае военной акции Пекина по захвату острова. При этом, как отмечается, соотношение сил в Тайваньском проливе уже давно изменилось в пользу КНР.

Одновременно с указанными конфликтами и перепалкой стороны продолжают поддерживать довольно широкие связи, как на высоком межгосударственном уровне, так и между представителями различных ведомств. Посещение КНР было предусмотрено при проведении государственного визита Д. Трампа в ноябре 2017 г. в страны АТР (помимо Китая, Япония, Южная Корея, Вьетнам, Филиппины, участие в саммите ВАС) [22]. Готовится уже второй визит в США председателя КНР Си Цзиньпина, причем американский президент предпочитает принимать китайского гостя в своем поместье Мар-а-Лаго во Флориде (возможно, не желая подвергать китайского лидера осложнениям в случае проведения визита в американской столице). Д. Трамп неизменно подчеркивает свое уважительное отношение к Си Цзиньпину. Следует отметить, что в США не наблюдается столь масштабной “китаефобии”, как это имеет место в России.

Китайское руководство со своей стороны стремится проявлять сдержанность в высказываниях относительно США на высоком официальном уровне, отдавая право отвечать на американские наскоки представителям отделов печати МИД, Минобороны КНР и китайской прессе.

* * *

Оценивая нынешнюю ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, можно сказать, что, несмотря на все усилия американской администрации, ей не удастся добиться здесь серьезного перелома. Не получила широкой поддержки концепция Индо-Тихоокеанского региона — в блоковом измерении этой концепции. Шаги, предлагаемые администрацией Д. Трампа, не устраивают большинство стран региона. По их убеждению, такой новый порядок не будет полезен всем.

Реакция большинства стран свидетельствует, что они не хотят опасных перемен, выступают за сохранение центрального значения в АТР сформировавшихся здесь механизмов — АСЕАН, Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатский саммит, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Все это укрепляет почву для продвижения позиции России, согласно которой прочный мир и стабильность в АТР могут быть обеспечены лишь на базе построения комплексной архитектуры равной и неделимой безопасности, отвечающей интересам всех стран региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar “Arc of Freedom and Prosperity: Japan’s Expanding Diplomatic Horizons”*, November 30, 2006. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0611.html> (accessed 16.02.2019).
2. *“Confluence of the Two Seas” Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India*, August 22, 2007. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-pacific/pmv0708/speech-2.html> (accessed 16.02.2019).
3. Khurana G.S. Security of Sea Lines: Prospects for India–Japan Cooperation. *Journal of Strategic Analysis*, 2007, vol. 31, no. 1, pp. 139–153.
4. *Defence White Paper 2009. Defending Australia in the Asia Pacific Century: Force 2030. Australian Government. Department of Defence of Australia*. Available at: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2009/docs/defence_white_paper_2009.pdf (accessed 16.02.2019).
5. Kaplan R.D. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. New York, Random House, 2010. 366 p.
6. *Quadrennial Defense Review Report. US Defence Department*. February 2010. Available at: <http://archive.defense.gov/qdr/QDR%20as%20of%2029JAN10%201600.pdf> (accessed 16.02.2019).
7. Сафранчук И.А. Роль военной силы в политике Обамы. Опыт принятия решений на афганском направлении. *Международные процессы*, 2017, № 2, сс. 89–98. [Safranchuk I.A. Rol’ voennoi sily v politike Obamy. Opyt prinyatiya reshenii na afganskom napravlenii [The Role of Military Power in Obama’s Policy. The Case of Decision-Making on Afghanistan issues]. *International Trends*, 2017, no. 2, pp. 89–98.]
8. Clinton Hillary Rodham. *America’s Engagement in the Asia-Pacific*. US State Department. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/10/150141.htm> (accessed 16.02.2019).
9. Clinton H. America’s Pacific Century. *Foreign Policy*, October 11, 2011. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed 16.02.2019).
10. Saran S. Mapping the Indo-Pacific. India and the strategic inter-linkage between the Indian and Pacific Oceans. *The Indian Express*, 29.10.2011. Available at: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/mapping-the-indopacific/> (accessed 16.02.2019).

11. D U.S. Department of State Case No. F-2014-20439 Doc No. C05783053. *Wikileaks*. Available at: https://wikileaks.org/clinton-emails/Clinton_Email_October_Release/C05783053.pdf (accessed 16.02.2019).
12. Green M.J. Defining U.S. Indian Ocean Strategy. *The Washington Quarterly*, 2012, vol. 35, no. 2, pp. 175–189.
13. Scott D. Australia’s embrace of the ‘Indo-Pacific’: new term, new region, new strategy? *International Relations of the Asia-Pacific*, 2013, vol. 13, no. 3, pp. 425–448.
14. Medcalf R. In defence of the Indo-Pacific: Australia’s new strategic map. *Australian Journal of International Affairs*, 2014, vol. 68, no. 4, pp. 470–483.
15. Mohan C.R. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. Washington, DC, Carnegie Corporation for International Peace, 2012. 360 p.
16. *Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America*. US Defense Department. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 12.02.2019).
17. Beeson M., Wilson J. The Indo-Pacific: Reconceptualizing the Asian Regional Space. *East Asia*, 2018, vol. 35, no. 2, pp. 79–84.
18. Scott D. The “Indo-Pacific” — New Regional Formulations and New Maritime Frameworks for US-India Strategic Convergence. *Asia-Pacific Review*, 2012, vol. 19, no. 2, pp. 85–109.
19. Panetta L. (U.S. defense minister). *The U.S. and India: Partners in the 21st Century*. June 6, 2012. Available at: <https://idsa.in/key speeches/LeonEPanettaonPartnersinthe21stcentury> (accessed 16.03.2018).
20. Japan-U.S. Summit Meeting. 17–18.04.2018. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. Available at: http://www.mofa.go.jp/na1/us/page3e_000845.html (accessed 25.04.2018).
21. US, Japan India and Australia hold working level quadrilateral meeting on regional cooperation. *The Diplomat*, February 11, 2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/11/us-japan-india-and-australia-hold-working-level-quadrilateral-meeting-on-regional-cooperation/> (accessed 04.04.2018).
22. Remarks by President Trump on His Trip to Asia. *Foreign Policy*, November 15, 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-trip-asia/> (accessed 17.05.2018).
23. Khong Y.F. A Regional Perspective on the US and Chinese Visions for East Asia. *Asia Policy*, 2018, vol. 25, no. 2, pp. 6–12.
24. *Japan-Australia-India-U.S. Consultations*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. June 7, 2018. Available at: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_002062.html (accessed 08.06.2018).
25. Prepared Remarks for Vice President Pence at the East Asia Summit Plenary Session. Singapore, *Foreign Policy*, November, 15, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/prepared-remarks-vice-president-pence-east-asia-summit-plenary-session/> (accessed 16.02.2019).
26. *The 13th East Asia Summit*. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 15.11.2018. Available at: https://www.mofa.go.jp/a_o/rp/page4e_000945.html (accessed 16.11.2018).
27. *Chairman’s Statement of The 13th East Asia Summit*. Singapore, 15.11.2018. Available at: https://asean.org/storage/2018/11/East_Asia_Summit_Chairman_Statement_Final.pdf (accessed 16.11.2018).
28. *Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Российско-вьетнамской конференции Международного клуба “Валдай”*, г. Хошимин, 25 февраля 2019 г. [Remarks of Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at the Russian-Vietnamese conference of international club “Valdai”, Ho Chi Minh City, February 25, 2019 (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/da/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3541050 (accessed 26.02.2019).
29. *2019 missile Defense Review*. US Defense Department. Available at: <https://media.defense.gov/2019/jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (accessed 12.02.2019).
30. Трамп подписал меморандум о формировании Космических сил. *Российская газета*, 20.02.2019. [Trump signed Space Force formation memorandum. *Rossiiskaya gazeta*, 20.02.2019 (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2019/02/20/tramp-podpisal-memorandum-o-sozdanii-kosmicheskikh-sil.html> (accessed 22.02.2019).
31. *Communication from China to the United Nations dated May 7, 2009*. United Nations. Available at: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_vnm_37_2009.htm (accessed 20.02.2019).
32. Chong J.I. Deconstructing order in Southeast Asia in the age of Trump. *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2017, vol. 39, no. 1, pp. 29–35.
33. Kim D.A Systematic Analysis of the Early Trump Foreign Policy: Implications for Northeast Asia and the Korean Peninsula. *The Korean Journal of Security Affairs (KJSA)*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 4–20.
34. *Совместное заявление МИД РФ и МИД КНР по проблемам Корейского полуострова*, 04.07.2017. [Joint Statement of Russian and Chinese Foreign Affairs Ministries on the Korean peninsula’s problems (In Russ.)] Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2807662 (accessed 05.07.2017).
35. Шаг к перезагрузке, *Профиль*, 11.05.2017. [A step towards “reset”. *Profil*, 11.05.2017 (In Russ.)] Available at: <http://www.profile.ru/politika/item/117193-dialog-plyus-sanktsii> (accessed 22.06.2017).
36. Новогодняя речь товарища Ким Чен Ына (2018 г.) *Livejournal*. [New Year celebration speech of Kim Jong-un, 2018. *Livejournal*. (In Russ.)] Available at: <https://juche-songun.livejournal.com/788801.html> (accessed 16.02.2019).
37. КНДР призвала всех корейцев мира к объединению и противостоянию США. *Regnum*. [North Korea called for unity of all Koreans and their struggle with the USA. *Regnum* (In Russ.)] Available at: <http://regnum.ru/news/2371929.html> (accessed 24.02.2019).

38. Kim Jong Un promises “major Change” after First Ever Summit Between Leaders of U.S. and North Korea. Singapore. *The Time*, 12.06.2018. Available at: <https://time.com/5309069/donald-trump-kim-jong-un-meet-summit/> (accessed 16.02.2019).
39. Vietnam summit: North Korea and US offer differing reasons for failure of talks. *The Guardian*, 01.03.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/feb/28/vietnam-summittrump-and-kim-play-down-hopes-of-quick-results-nuclear-talks> (accessed 01.03.2019).
40. Ким Чен Ын отказался поднюкивать США. *Коммерсантъ*, 01.03.2019. [Kim Jong Un refused to make concessions to the USA. *Kommersant*”. 01.03.2019 (In Russ.)] Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3897054> (accessed 01.03.2019).
41. Clarke M., Ricketts A. Donald Trump and American Foreign Policy: The Return of the Jacksonian Tradition. *Comparative Strategy*, 2017, vol. 36, no. 4, pp. 366-379.
42. Remarks by President Trump and Prime Minister Abe of Japan in Joint Press Conference. *Foreign Policy*, June 7, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-prime-minister-abe-japan-joint-press-conference-2/> (accessed 11.02.2019).
43. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership. *Global Affairs Canada*, June 14, 2018. Available at: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2018/06/minister-champagne-introduces-implementing-legislation-for-the-comprehensive-and-progressive-agreement-for-trans-pacific-partnership.html> (accessed 25.02.2019).
44. *Joint Leaders’ Statement on the RCEP Negotiations. Singapore. Department of Foreign Affairs and Trade of Australia*. November 14, 2018. Available at: <https://dfat.gov.au/trade/agreements/negotiations/rcep/news/Pages/joint-liaders-statement-on-the-rcep-negotiations-14-november-2018-singapore.aspx> (accessed 25.02.2019).
45. Terada T. RCEP Negotiations and the Implications for the United States. *The National Bureau of Asian Research (USA)*, 20.12.2018. Available at: <https://www.nbr.org/publication/rcep-negotiations-and-the-implications-for-the-united-states/> (accessed 25.02.2019).
46. Trump Signs Revised Korean Trade Deal. *The New York Times*, 24.09.2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/09/24/us/politics/south-korea-trump-trade-deal.html> (accessed 30.09.2018).
47. *Joint Statement of the Security Consultative Committee. Ministry of Foreign Affairs of Japan*. April 27, 2015. Available at: <http://www.mofa.go.jp/files/000078186.pdf> (accessed 15.01.2019).
48. *Cabinet Decision on Development of Seamless Security Legislation to Ensure Japan’s Survival and Protect its People. Ministry of Foreign Affairs of Japan*. July 1, 2014. Available at: http://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page23e_000273.html (accessed 12.05.2017).
49. Южная Корея завершила размещение батареи ПРО США THAAD. *Российская газета*, 07.09.2017. [South Korea finished deployment of US antimissile defense THAAD complex. *Rossiiskaya gazeta*, 07.09.2017 (In Russ.)] Available at: <https://rg.ru/2017/09/07/iuzhnaia-koreia-zavershila-razmeshchenie-batarei-pro-ssha-thaad.html> (accessed 02.03.2019).
50. Путин и Моди обсудили весь спектр привилегированного стратегического партнерства. *TACC*, 21.05.2018. [Putin and Modi discussed all issues of privileged strategic partnership. *TASS*, 21.05.2018 (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/politika/5219194> (accessed 21.02.2019).
51. *Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. US Defense Department*. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 28.02.2019).
52. Remarks by Vice President Pence on the Administration’s Policy Toward China. *Foreign Policy*, October 4, 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/> (accessed 21.02.2019).
53. *Remarks by President Trump in State of the Union Address*. February 5, 2019. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-state-union-address-2/> (accessed 07.02.2019).
54. США отложат введение пошлин на китайские товары. *РИА Новости*. [US postpone the introduction of duties on Chinese goods. *RIA Novosti* (In Russ.)] Available at: <https://news.mail.ru/politics/36419459/?frommail=1> (accessed 27.02.2019).
55. Президент Трамп готов отказаться от ультиматума Пекину. *Независимая газета*, 21.02.2019. [President Trump is ready to call back ultimatum to Beijing. *Nezavisimaya gazeta*, 21.02.2019 (In Russ.)] Available at: http://www.ng.ru/world/2019-02-21/1_7514_tramp.html (accessed 27.02.2019).

STRATEGY OF THE TRUMP ADMINISTRATION ON ASIA-PACIFIC

(*World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 6, pp. 25-37)

Received 29.03.2019.

Anatoly V. TORKUNOV (rectorat@inno.mgimo.ru),

MGIMO University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

The article provides a comprehensive review of the U.S. policy in Asia during the Trump administration, which is conceptualized on the basis of the “Indo-Pacific” concept. The author notes that this concept originated from Japan and India, then was adopted by the Obama administration as the political framework for the U.S. pivot to Asia, and now has been reintroduced in Asia to serve Trump’s “America First” guideline. Under the Trump administration, Washington sharply intensified its efforts to design the “Indo-Pacific region”: the four countries (the US, India, Japan,

and Australia) openly support and advocate this concept, and to make it practical they have established multilateral political consultation mechanisms and developed military venues of quadrilateral cooperation. By this stage, as the author argues, the “Indo-Pacific” policy of the U.S. and its Asian allies shifted to be a blunt effort of block-building rather than an endeavor of establishing an inclusive regional cooperation mechanism. Moreover, the article interprets this block approach as growingly anti-China-centric. The U.S. is attempting to assemble a coalition to contain China in general, and particularly its implementation of its “One Belt, One Road” initiative. The author overviews the U.S. policy towards North Korea, economic cooperation in Asia, and relations with major Asian actors to build the ground for the main finding of the article: the “Indo-Pacific” block-building fundamentally contradicts the well-established Asian political tradition of a more inclusive and softer approach as is manifested in the core mechanisms of international relations in Asia, i.e. Association of South East Asian Nations (ASEAN), East Asia Summit (EAS), and Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC). Hence, while many Asian states have concerns about the progressing Chinese might and ambitions, most of them — except the three countries (India, Japan, and Australia) — remain committed to these long-standing mechanisms, refraining from shifting to the “Indo-Pacific” block approach.

Keywords: Indo-Pacific region, US foreign policy, “Quartet” consultation mechanism, People’s Republic of China.

About the author:

Anatoly V. TORKUNOV, Doctor of Political Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO-University.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-6-25-37